

СРЕДА

Экран и сцена - 1993 - 24 июня - 1 июля (№№ 22-23) - с. 10.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ РАЗГОВОРЫ

Черныш В.

Однажды я попал в компанию работников КГБ. Все были в штатском, но, судя по возрасту и ровности отношений, в чинах не ниже подполковника и не выше полковника. На следующий день я пытался вспомнить, о чем говорили эти люди, и не мог. Точно, что не говорили о политике и своей профессиональной работе. Говорили о женщинах, о рыбалке, рассказывали солдатские анекдоты. Конечно, поговорить о женщинах всегда интересно, но ведь не менее интересно о политике и работе, но, наверное, именно эти разговоры им и запрещались.

Когда собираются кинематографисты, то говорят, конечно, и о женщинах, сейчас все чаще о политике и о ценах, но в основном все-таки о работе.

Если встречаются два сценариста, то с чего бы ни начинался разговор, закончится он обязательно рассуждениями о сценариях и сценаристах и обязательно о режиссерах, без которых сценаристам не обойтись.

Как-то я задался вопросом: откуда эта страсть к подобным обсуждениям? И понял — от страха. А страх — от неизвестности. Карьеру чиновника можно просчитать: кого куда передвинут, кто достоин, а кто не достоин занять тот или иной пост, кто за кем стоит и кто кого продвигает. Чиновник делает карьеру. Чтобы стать министром, надо побыть инженером, старшим инженером, начальником главка, заместителем министра и только потом министром.

Драматург обычно карьеры не делает. Он пишет. И в молодости, и в зрелые годы, и в старости. Только в творчестве и спорте вчера еще никому не известный завтра становится или лауреатом премии, или чемпионом. Такое невозможно в жизни обычного человека.

Творческий человек, как и спортсмен, однажды утром может проснуться знаменитым. Он уже конкурирует на равных с другими такими же. И сразу становится грозным соперником. К тому же он более молодой и более работоспособный, с более оригинальным мышлением. И вчерашние кумиры отодвигаются на второй план. Есть, конечно, надежда, что это сценарист одного хорошего сценария или драматург одной хорошей пьесы. И лучше уже никогда не напишет. Бывает и такое. Но часто и второй сценарий хорош, и третий. Может быть и неудача. И этому не то чтобы обрадуются, но заметят, запомнят и будут еще долго вспоминать, даже если потом будут удачи. И в этом нет

даже зависти, это скорее профессиональный анализ возможностей нового восходящего светила.

Ведь анализ чужих возможностей — это анализ собственных недостатков. Это выявление новых тенденций, которые, возможно, ты уже не воспринимаешь, и поэтому тебе пора вносить коррективы. Это и психотерапия. Он еще не полностью выиграл, а ты не полностью проиграл. И это успокаивает, дает силы продолжать.

Выбирая профессию драматурга, писателя, мы всегда выбираем одиночество. За служащим, чиновником стоит авторитет организации, фирмы, института, завода, за писателем не стоит никто. Есть только его личный авторитет, который почти никогда не устанавливается на всю жизнь и постоянно пересматривается. С каждой новой книгой, пьесой, сценарием авторитет может укрепиться или зашататься. И не спасают ни прошлая слава, ни премии, ни звания, ни связи.

Садясь за новую пьесу, сценарий, ты каждый раз вступаешь в конкуренцию, соревнование, борьбу. Один против всех. А их много, десятки тысяч: профессиональные сценаристы, театральные драматурги, писатели, журналисты, так называемые начинающие, которые хотят изменить свою жизнь, переменить профессию и стать профессиональными литераторами, к тому же есть еще и сотни тысяч пенсионеров, которые, имея много свободного времени, начинают писать. И это все конкуренты. Я это постоянно внушаю студентам института кинематографии, где я преподаю мастерство кинодраматурга.

В творчестве надо как можно быстрее избавляться от психологии ученика. Молодой инженер конкурирует с себе подобными, такими же молодыми инженерами. Молодой писатель конкурирует с самыми лучшими, признанными, классиками, и у него не должно быть ощущения, как у начинающего спортсмена, который выступает против олимпийского чемпиона и знает заранее, что выиграть невозможно. В том-то и дело, что в творчестве выиграть можно, и все на это надеются. Но надеяться можно только на свои силы.

Иногда тебя поддерживают критики, разделяя твои идеи, но всегда есть и другие критики, готовые тебя уничтожить, не замечая твоих достижений и не прощающие твоих ошибок. Опубликовав свое первое произведение, ты сразу рождаешь и недругов, и друзей, ты рождаешь специалистов по своему творчеству, ты даешь работу многим людям, которые теперь будут пристально следить за каждой твоей работой, получая радость от ее уничтожения. Чаще всего вы даже не знакомы, но вы ему не

нравится, и он будет ждать выхода вашего фильма или спектакля, чтобы завтра наброситься.

Говорят, что известному сценаристу, драматургу легче. Наверное. Особенно на пике известности. Все ждут, что ты повторíš свой успех, а может быть, создашь и нечто более успешное. Но все так же знают, что в успехе есть свои отливы и приливы. Начинающему могут простить и неудачу, известным уже ничего не прощают, особенно — средних проходных работ. Но даже самые умные не могут удержаться от новых предложений студий. Делают проходную работу, надеясь, что не заметят.

Но в кино замечают все. И коллеги, и режиссеры и редакторы. И после каждого среднего фильма падает спрос. Выжидают редакторы, осторожничают режиссеры. Сам сценарист еще не знает, что его рейтинг упал на несколько пунктов, он еще ждет телефонных звонков, но телефон молчит. Это не значит, что забыли. О нем еще говорят в студийных коридорах, в буфетах Дома кино, в кабинетах Госкино, на кухнях. Подсчитывают оставшиеся возможности — вышел ли в тираж или продержится несколько лет.

Я помню, как мы студентами ВГИКА в общежитии обсуждали Б. Метальникова, Л. Аграновича, В. Ежова, В. Фрида и Ю. Дунского на пике их сценарной известности. Еще в полную силу работал А. Каплер, утрачивая свою известность сценариста и приобретая всесоюзную известность как ведущий «Кинопанорамы». Еще выходили фильмы по сценариям А. Спешнева, Б. Папавы, М. Маклярского, М. Блеймана. Мы в них уже не видели конкурентов, свои лучшие сценарии они уже написали. Довольно низко мы оценивали Д. Храбровицкого, хотя у него уже был сценарий «9 дней одного года». Мы еще не ведали, что и у нас будут по 2—3, в лучшем случае, сценария, которые будут знать все, и это — если повезет. Мы присматривались, пытались понять, объяснить себе и примерить на себе феномен Г. Шпаликова, который заявил о себе мгновенно.

Когда я поступал во ВГИК, он заканчивал институт. Мы были уверены, что сделаем лучше и больше. Я помню все эти разговоры, от них мы получали удовольствие; ведь мы такие же, пока у нас ничего нет, но скоро, очень скоро будет. Мы корректировались на ходу; вот это не надо, это уже сделано, эта тема закрыта. Мы были уверены, что главное найти — что делать, еще не зная, что оценивать нас будут по тому, как мы это сделали, мы были беспощадными, замечая малейшие промахи и пропускали явные достоинства.

С тех пор прошло почти двадцать пять лет. Как-то закончив занятия по сценарному мастерству на своем курсе, я шел к лестничной площадке перекурить и вдруг услышал свою фамилию. Говорили явно обо мне. Это были дипломники. Кто-то снисходительно сказал:

— Железный профи.

«Вы, конечно все гении, а я железный профессионал», — подумал я тогда, правда, не обиделся, потому что цену профессионалов в любом деле. Но потом приложили посильнее:

— Да ладно о нем. Он реликт шестидесятых. Социальный фантаст.

Это было не очень точно. Я начал в семидесятых, а это было труднее, чем в шестидесятых. Со мною было покончено. Перешли к В. Мережко.

— Подражал Шукшину, начал с чудиков, сейчас перешел на женщин, все слезу вышибает. Те, которые уже ничего не могут, пишут или детективы, или о женщинах.

Они были явно не правы, нет ничего труднее, чем создать женский характер, а детектив требует филигранной сценарной профессии.

Мимходом прошлись по Е. Григорьеву, остановились на Э. Володарском и покончили с ними. Мое поколение было для них неинтересно и уже не конкурентоспособно. Я шагнул на площадку. Со мною вежливо поздоровались, осмотрели. Взгляды были цепкие, всё запоминающие, так смотрят следователи, женщины и писатели.

С этого курса в кино пока не появился никто, но обязательно появится, может быть, один, в лучшем случае — двое, такова многолетняя статистика. И уже более молодое поколение будет прикидывать, анализировать их первые работы, и старшее поколение их заметит, и о них уже будут говорить в студийных коридорах, в буфетах Дома кино, на кухнях. Они вступили на тропу войны, а на войне всегда прикидывают ваши возможности — можете ли вы выдавать новое или уже начали повторяться.

В кино, как в шахматах. Даже самые гениальные шахматисты начинают проигрывать более молодым. Проигравшие сопротивляются, но потом все-таки переходят в другой ряд игроков и уже не претендуют на первенство. О них еще помнят, они еще участвуют в конкурсах, уже менее престижных, и даже иногда выигрывают. Но болельщиков да и самих игроков интересуют более молодые.

Старики примелькались да и понадоели. Пора, наверное, уступать дорогу. Но почти никто не уступает. В кино играют до конца.

Валентин ЧЕРНЫХ.

1.07.93